КЛАССИЧЕСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Христианство, провозгласившее новые для периода поздней античности ценности и возведенные в эпоху Средневековья в канон, стало воплощением наиболее значимых общечеловеческих устремлений, не утративших своего высшего смысла и в современную эпоху. Ценности христианства, как и других мировых религий, имеющих наднациональный, надгосударственный характер, в период глобализационного взаимодействия культур вновь приобретают актуальность, хотя их трактовка становится порой основанием для неприятия другого. Для того чтобы раскрыть общечеловеческую, экзистенциальную природу христианского вероучения, обратимся к его аксиологии и этике. Этот анализ мы проведем с позиции современного философского дискурса, позволяющего увидеть внеисторическое содержание христианского вероучения, оценить его актуальность и значение для постнеклассической эпохи.

Аксиология христианства может быть изучена по самым разным направлениям, что связано с различными группами ценностей, ими утверждаемых. Так, общая классификация ценностей христианства может быть представлена следующим образом: *онтологические* – Бог, бытие, бессмертие (вечность); *антропологические* – человек, душа, свобода воли, вера, надежда, любовь, спасение; *этические* – благо, любовь к ближнему и своему врагу, непротивление злу, прощение, страдание, мученичество, святость, добродетель; *эстетические* – красота как выражение Бога в мире, прекрасное как форма добра; *когнитивно-мистические* – Священные Писание и Предание, молитва, благодать; *символические* – Церковь, икона, богослужение, обряды и ритуалы; *социальные* – христианская община, соборность, человечество.

Обратимся к рассмотрению ценностей онтологических, антропологических и этических, поскольку полный анализ христианской аксиологии потребовал бы очень большой работы.

Прежде всего, отметим преемственность христианства и глубинную связь христианских ценностей с более древними традициями человечества. Это учение во многом вобрало в себя наиболее значимые идеи и образы из восточных и античных религиозных и философских доктрин, что и обусловило его универсальность и интернациональ-

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-834.2007.6.

ность. Опираясь на стоицизм и неоплатонизм, христианство выросло из иудаизма с его Ветхим Заветом и верой в приход Мессии. Из более древних учений в христианство вошли следующие идеи и положения: Бог един, как и сотворенный по его замыслу мир (иудаизм); троичность Бога (индуизм); человек создан по образу и подобию Бога (иудаизм); человек обладает бессмертной душой, которая томится в теле и ждет освобождения (платонизм); человеческий род живет во грехе, унаследованном от Адама и Евы (иудаизм); человечество или его часть (праведники) будут спасены и обретут бессмертие и блаженство в отдаленном будущем (иудаизм); человек сам определяет свой нравственный выбор, и праведность является результатом его свободы, а не подчинения Божественному закону (зороастризм); в мире происходит постоянная борьба добра и зла, главная ее арена – души людей (зороастризм); все люди обладают равными душами и равны перед высшей силой (стоицизм); главными добродетелями являются аскетизм, смирение перед судьбой, мученичество, нестяжание земных благ, самоотверженность (стоицизм); необходимость страдания для нравственного развития (стоицизм); высшее благо тождественно истине и красоте (зороастризм, неоплатонизм).

В то же время в христианстве сложились новые положения и догматы: триединство – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой; двойственная (Божественная и человеческая) природа Бога Сына; понимание Бога как единого, единственного, нематериального, сверхприродного, непознаваемого, бессмертного, обладающего волей, разумом, неограниченной мощью; понимание Бога Сына как Бога Логоса, или Божественного Слова, имеющего креативные возможности; понимание Бога Духа Святого как любви; идея искупления грехов человечества муками и смертью Бога Сына; всепрощение и любовь к врагам для противостояния греху и злу; любовь к Богу как сущность Бога и главное основание веры.

Высшей ценностью христианства выступает Бог как сверхприродный абсолют, источник всякого блага, высшая реальность, создатель мира, человека, времени, обладающий всемогуществом, всеведением, всепрощением. Ценность Бога выражается и как онтологическая (поскольку он является источником мира и человека), и как антропологическая (так как человек представляет Его образ и подобие), и как этическая (связанная с тем, что Он вносит в мир мораль и идею блага). Являя собой высшую форму совершенства, Бог выступает пределом оценивания – сверхценностью, по сравнению с которой все прочие ценности, к примеру человеческие или социальные, оказываются

второстепенными. В связи с этим главной добродетелью и первой заповедью верующего является любовь к Богу, а не какие-либо моральные запреты (на убийство, ложь и др.).

Наиболее наглядно это иллюстрирует история искушения Авраама – самая драматичная и неоднозначная по толкованию. Ее суть заключена в следующем повелении: «И Господь испытывал Авраама и сказал ему: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе» (Быт. 22, 2). Авраам выполнил волю Бога, пришел к указанному месту, разложил костер, возложил на него сына Исаака и занес над ним нож. Но Ангел остановил его, возвестив: «…теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего для Меня» (Быт. 22, 12).

Этот эпизод показывает, что заповедь «возлюби Бога» превосходит по значению все человеческие и этические нормы. В связи с этим ее толкование может быть разным. С одной стороны, заповедь открывает возможность совершения морального преступления (даже самого страшного из них – детоубийства) по велению Бога, что может быть использовано религиозными фанатиками для оправдания различного рода преступлений на религиозной почве. С другой стороны, поступок Авраама – подвиг верующего, лишающего себя высшей радости и земного счастья во имя Бога и спасения.

Исчерпывающий анализ этой драмы изложен Сёреном Кьёркегором в работе «Страх и трепет», где автор говорит о своем восхищении Авраамом: «Он человек, который отрицает себя и жертвует собой ради долга, отдает конечное, чтобы ухватить бесконечное… Он проходит через все болезненное страдание трагического героя, он разрушает всю свою радость в этом мире»[1] ради веры, ради чуда. Кьёркегор, отождествляя этическое с всеобщим, подчеркивает: история искушения Авраама свидетельствует о том, что телеологическое устранило этическое и что единичный индивид разрушил всеобщее ради абсолютного. «Вера – это парадокс, согласно которому единичный индивид в качестве единичного стоит в абсолютном отношении к абсолюту»[2], – считает Кьёркегор. Однако это жестокое испытание, и суть его заключается в том, чтобы показать, что даже самое святое для человека в земной жизни – жизнь его детей уступает по значимости ценности Бога. Это мы и называем «сверхценностью». Таким образом, важнейшими в христианской аксиологии признаются ценность Бога и любовь человека

[1] *Кьёркегор С.* Страх и трепет. М. 1998. С. 60.
[2] Там же. С. 55.

к Нему. Любовь в христианском вероучении – особое религиозно-мистическое чувство, являющееся связующей нитью между человеком и Богом, а потому составляющее одну из главных ценностей.

Любовь – имманентная сущность Бога и в этическом и в экзистенциальном смысле. Любовь Бога Отца сильна и не имеет границ, поэтому главное требование к человеку – ответная любовь к Богу и любовь к братьям своим и сестрам. Все прочие духовные дары ничто без любви, говорится в Писании, поскольку она определяет человеческое в человеке и делает его подобным Богу: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не годится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1Кор. 13, 4–7). Если в рассмотренных выше религиозных учениях высшей добродетелью считалось ненасилие по отношению к людям (и всем живым существам в индийской традиции), то в христианстве долгом верующего является любовь ко всем людям, включая и врагов. Это высший тип любви, означающий прощение прежних злодеяний, а не принятие человека таким, каков он есть. Любовь к ближним и врагам в христианстве имеет целый ряд характеристик:

она соразмерна любви к самому себе и означает признание ценности другого: «Люби своего ближнего, как самого себя» (Мф. 22, 39);

она активна, деятельна и выражается в поступках человека: «Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиною» (1Пет. 3, 18);

она заключается в смирении и служении людям: «Кто хочет быть первым, будь последним и всем слугою» (Мк. 9, 35);

она состоит в том, чтобы не осуждать человека, а всегда уважать его личность и сострадать ему в горе: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1);

такая любовь бескорыстна и распространяется не только на достойных, но на всех униженных, изгнанных, грешных, преступивших закон (притча о блудном сыне);

эта любовь – выражение готовности пожертвовать собой: «Никто не имеет большей любви, чем та, чтобы кто-нибудь свою жизнь положил за своих друзей» (Ин. 15, 13);

эта любовь имеет способность к исцелению, очищению от грехов: «Прежде всего имейте горячую любовь между собой, потому что любовь покрывает множество грехов» (1Пет. 4, 7);

высшее проявление любви – любовь к врагам, как испытание себя, признания своего единения с всепрощающим Богом: «Любите врагов

ваших и молитесь за тех, кто гонит вас» (Мф. 5, 44). Любовь в этом смысле – противостояние злу посредством непротивления или духовного сопротивления ему: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя и правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5, 39);

такая любовь исключает не только ответное насилие, возмездие, но обиду и гнев на брата и врага своего: «Всякий, гневающийся на брата своего, напрасно подлежит суду; кто же скажет брату своему «рака», подлежит синедриону; а кто скажет «безумный», подлежит гиене огненной» (Мф., 5, 22).

Любовь и милосердие, таким образом, оказываются теми силами, орудиями, которые противостоят чуждости, враждебности людей друг другу, останавливают грех (гордыню), зло, поскольку не вызывают желания отомстить в ответ за наказание в духе ветхозаветного принципа «око за око». Анализируя сущность христианской любви, Г.В.Ф. Гегель отмечал: «Любить – значит быть тем, что вне меня; я имею свое самосознание не во мне, а в другом, но это такое другое, в котором я только и удовлетворяюсь, в котором я обретаю мир с самим собой: я есмь лишь постольку, поскольку во мне мир»[3]. Такая Любовь означает стирание различий, воссоединение людей, а, следовательно, их приближение к Божественному, сверхприродному. Именно Любовь выступает сущностью Бога и условием вхождения в Царствие Его.

Сопутствующей сверхценности Бога выступает ценность Царствия Божия – высшей цели, дарующей спасение, т.е. блаженство и бессмертие. Иисус не говорит о том, когда наступит Царствие Божие, поэтому готовиться к нему должно всегда: «И так бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мф. 24, 42). В то же время Царствие Небесное трактуется в христианстве как актуальное, наличное бытие, реальность, существующая в сердце праведников: на вопрос фарисеев Иисус ответил, что «не придет Царствие Божие приметным образом… ибо Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 20–21). Это означает, что вечная жизнь и блаженство уже даны тем, кто ведет себя праведно, не смотря на те страдания, которые они терпят при этом. Царствию Небесному противостоит земной мир, который, несмотря на то что он был создан Богом, далек от совершенства, лежит во грехе. Именно для раннего христианства было характерно неприятие действительности, «отречение от мира», где правил сатана – «князь мира сего», как сказано в Евангелии от Иоанна (12, 31).

По сравнению с телеологическими ценностями проигрывает не только ценность земной жизни, но и ценность земных благ: чем мень-

[3] *Гегель Г.-В.-Ф.* Философия религии: В 2 т. Т. 2. М., 1977. С. 230.

ше человек имеет в земной жизни, тем больше будет иметь на небесах; «и последние станут первыми»; «Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает – возвысится» (Мф. 32, 12). Забота только о хлебе насущном неизбежно порождает зависть и страдания, учил Иисус. Но богатство земное только затруднит вхождение в Царствие Небесное, подобно тому как трудно верблюду пройти сквозь игольное ушко[4]. Взамен земных ценностей и благ, преходящих по своей сути, христианство провозглашает вечную благодать в Царствии Небесном, обретение которой непосредственно связано с нравственным выбором человека.

По сравнению с зороастризмом в христианстве мы видим более развернутую и теоретически обоснованную концепцию выбора между добром и злом. Если в иранской религии выбор был связан с пониманием Истины и неведением, то в христианстве, напротив, зло в качестве первого греха приходит к человеку как результат познания. Другим отличием здесь выступает неравноценность сил добра и зла, которые были исходными условиями в зороастризме. Зло в христианской теологии трактуется как не имеющее самостоятельного источника.

По мнению отца западной патристики Августина Блаженного, уделившего много внимания проблеме теодицеи, зло представляет собой лишь недостаток, отсутствие добра. Религиозный отечественный мыслитель Н.О. Лосский считал, что зло в христианстве есть некое условие для осуществления свободного выбора, без которого человек оказался бы просто «автоматом», запрограммированным на совершение добра[5]. Нравственная ценность его поступков тогда бы не имела смысла. Таким образом, свободная воля – дар Создателя – оказывается не только наградой, но и испытанием для человечества. Это испытание выдерживают немногие, точнее, не выдерживает никто.

Христианство отличает идея наследования первородного греха от Адама и Евы, делающего грешниками всех, даже только что крещенных младенцев. Поэтому праведный христианин никогда не может быть доволен своим нравственным состоянием, а святого отличает не безгрешность, а способность к искуплению, добровольное принятие мучений и страданий, позволяющих приблизится по переживаниям к распятому толпой Богу Сыну. Особенностью христианства является понимание мученичества и страдания как обладающих ценностным статусом (в отличие от буддизма, где страдание есть главное, с чем надлежит бороться).

---

[4] Это – аналогия тому, как невозможно было верблюдам, груженным товарами, пройти сквозь узкое ущелье, названное поэтому Игольное Ушко.

[5] *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М., 1999.

Этическая традиция христианства во многом наследует положения стоицизма, но в этом вопросе христиане идут намного дальше: если стоики проповедовали безмятежное отношение к трудностям судьбы, мужественное принятие всех испытаний, то в христианском учении утверждается необходимость страданий для нравственного совершенствования человека и его восхождения в Царствие Небесное (поскольку там «последние станут первыми»). С одной стороны, самоуничижение и самобичевание – это попытки стать «самыми» последними, несчастными и обездоленными, ибо им обещана благодать в искупление земных страданий. С другой стороны, самоуничижение – способ борьбы с одним из смертных грехов – гордыней, которая мешает братскому единению людей. В Послании к филиппийцам говорится, что даже Бог «уничижил себя самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2, 7). Христианство во многом превознесло и обожествило страдание, позволяя человеку, влачащему жалкую земную участь раба, быть довольным своим состоянием, позитивно принимать горести и испытания.

Важным для формирования христианских ценностей является богочеловеческий образ Христа, который являл пример основных добродетелей, начиная от смирения и заканчивая прощением врагов своих. Вопреки традиционному принципу «богу – богово», христианство провозглашает новую этику богочеловечества, согласно которой следование не за словами, а за деяниями Бога призвано пробудить людей от греховной жизни и привести к спасению. В этом смысле показательны слова Иисуса: «Будьте святы, потому, что Я свят» (1Пет. 1, 16). В то же время это не означает, что народы, не признающие Христа, едины с ним по сути. Христианство отвергало как плюрализм, так и терпимость в вопросах веры и морали. Спасение непосредственно связано с верой в истинного Бога, и те, кто обладает такой верой – избранные: «Но вы – род избранный, царственное священство, народ святый, люди *взятые* в удел, дабы возвещать совершенство» (1Пет. 2, 9). Все прочие народы считаются не просто не ведающими Истины, заблуждающимися, но прямо называются слугами дьявола, что не могло не посеять вражду в обществе: «Всякой дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1Пет. 4, 2–3).

В связи с этим вся христианская этика оказывается обращенной лишь к избранным, и только тех, кто признает человечность Иисуса

Христа, могут отличать братская любовь, смирение, благочестие, доброта и т.д. Все прочие, даже соблюдающие эти общечеловеческие нормы, являются «слугами антихриста» в силу того, что не признают первого установления – веры в истинного Бога. Вера же, даже грешнику, дает надежду на спасение в случае раскаяния [«Мы признаем, что человек оправдывается верою, даже независимо от дел закона» (1Пет. 3, 28)] и стоит дороже интеллектуальной мудрости и природной доброты [«… чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1Кор. 2, 5)].

Ценность разума, мудрости, интеллектуального знания, которое совместно с добродетельной жизнью составляло идеал античности, заменяется ценностью Веры, дающей человеку *премудрость* – истинное сокровенное знание о Боге, не нуждающееся в доказательствах: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которую никто из властей века сего не познал; ибо, если бы познали, не распяли бы Господа славы» (1Кор. 2, 6–8).

Истинная вера – главное условие обретения благодати и спасения, понимаемого как блаженство и бессмертие. Вера и надежда на вечную жизнь в Царствии Небесном основываются на богочеловечности Иисуса, которого Бог Отец воскресил по своему повелению; то же, полагают христиане, возможно и в отношении людей. Чудеса исцеления и воскресения Лазаря, совершаемые в земной жизни Иисусом, призваны укрепить эту надежду у тех, кому недостаточно слова и кому, подобно Фоме, требуются фактические аргументы. Кульминацией истории христиане считают Судный день и последующее за ним воскрешение мертвых. Таким образом, бессмертие станет реальностью для всех истинно верующих праведников, труд которых перед Богом не останется тщетным «… вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие… тогда сбудется слово написанное: «поглощена смерть победою» (1Кор. 15, 53–54). Верой в вечное блаженство искупаются все земные страдания и горести и даже сама смерть, которую праведные христиане ожидают не с ужасом, а со священным трепетом, с радостью, ибо впереди встреча с Богом.

Христианские добродетели составляют образ святости, благочестия, который, как уже было отмечено, в первую очередь характеризуется истинной и безграничной верой в Бога. Не тот более свят, кто ни-

когда не грешил, а тот, кто согрешил, но после раскаялся, учит притча о блудном сыне. Раскаяние дороже, чем невинность, – этот тезис получает неоднократное подтверждение в деяниях апостолов, великомучеников, святых отцов Церкви и в какой-то мере формирует терпимость по отношению к греху. Это не означает признания правомерности греха, но учит, что нет такого греха, который не мог бы быть прощен. В целом христианство подчеркивает несовершенство человека и при этом указывает на путь спасения, связанный со следующими добродетелями: любовь к Богу, любовь к ближнему и врагам своим, «радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22–23). Это внеэгоистический идеал, близкий к идеалу других религиозных учений, ориентирующий на служение всему человечеству ради избавления его от мук, смерти, греховности.

Различные направления внутри христианской традиции вносят те или иные дополнения в образ идеального человека, святого. Рассмотрим одно из таких направлений, имеющее существенное значение для проведения компаративного сопоставления различных вероучений, – мистическое крыло в западном и православном христианстве. В каждом религиозном комплексе есть свое мистическое течение, которое играет в нем бульшую или меньшую роль (в силу субъективных и объективных факторов). В христианстве оно представлено учениями западных мистиков, прежде всего Иоганна Майстера Экхарта и Якоба Бёме, а также подвижников Восточной Церкви, прежде всего Иоанна Лествичника, Григория Паламы, Каллиста Ангеликуда, Нила Сорского, Паисия Величковского, Тихона Задонского и др.

Мистическое учение Майстера Экхарта, изложенное в «Духовных проповедях и рассуждениях», исходит из постулата, что главным приоритетом и высшей ценностью мироздания является вечная душа, приближающая человека к Богу и спасению. Именно в душе происходят главные события в жизни человека – грехопадение, выбор Бога или мира, Богопознание, спасение. Поскольку Бог постигается в душе, Экхарт формулирует тезис о том, что Бог рождается в душе. С этой точки зрения душа есть не индивидуальная, но всеобщая духовная субстанция, непостижимая в своей сути, а потому названная Экхартом «запредельной бездной», рождающей Бога и все остальное. Душа, поскольку она принадлежит вечности, лежит вне времени: «Душа, в которой надлежит родиться Богу, должна отвернуться от времени, как и время от нее; она должна подняться и застыть посреди богатства Господа»[6].

[6] *Майстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. СПб., 2000. С. 23.

Ее сущность есть любовь, благодаря которой душа уподобляется всему тому, что она любит[7] и, следовательно, Богу.

Другой высшей ценностью, по Экхарту, является благодать, которая понимается как «бытие в Боге, связь, единство с Богом»[8]. Она достигается уже при рождении, когда мы провозглашаем «Господь с тобой!», и означает рождение вечности в нас. Это факт истинного рождения, который постигается, по мысли Экхарта, не разумом, а «среди молчания». В душе происходит таинство постижения сущего, поскольку она свободна от мирских впечатлений и забот: «Там – глубокое молчание, ибо туда не проникает ни одна тварь или образ, ни одно действие или размышление не тревожат там душу и никакого образа не ведает она там и не знает ни о себе, ни о другой твари»[9]. Именно в молчании и созерцании человек наиболее близок к тому, чтобы услышать обращенное к нему Божественное, тайное Слово.

Бог, с позиции мистицизма Экхарта, непостижим и действует «без средств или образов». Чем более человек погружен в себя, тем ближе он к Богу, считал мыслитель. Внешняя ученость, многознание, полагал он, не способствуют единению с Богом и даже, напротив, отвлекают человека, поэтому ему необходимо сосредоточиться на истине внутренней: «Пусть даже молчание будет названо неведением, незнанием, в нем все же больше, чем во всяком внешнем знании и ведении. Ибо это неведение отвлекает и уводит тебя прочь от всякого познанного и прочь от себя самого»[10].

Эта позиция Экхарта чрезвычайно близка традициям восточных вероучений (веданты, буддизма, даосизма) и свидетельствует, что и на Западе, где в целом доминирует вербальное мышление, мистические учения ориентированы на внерациональное интуитивное восприятие истины без посредства слова. Еще более ярко и последовательно эту позицию отстаивал представитель православного мистицизма – исихазма Григорий Палама в трактате «Триады в защиту священно-безмолвствующих». Направляя свою критику прежде всего против «эллинской» философской учености, Палама указывал на то, что такая мудрость губительна для богоугодной жизни. Слишком много времени и сил забирает изучение трудов философов, не дающих душе ничего, кроме скорби и развития собственной гордыни. Характеризуют такие знания «суета, тщетные труды, обессмысленная мудрость, отмененная

[7] В этом вопросе Экхарт ссылается на Блаженного Августина.
[8] См.: *Майстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. С. 27.
[9] Там же. С. 29.
[10] Там же. С. 38.

мудрость, губительная для богоугодной жизни»[11]. В отличие от них истинные знания – внутренние, духовные – сочетают в себе любовь к Богу и веру, благодаря чему они становятся чистыми, смиренными, добродетельными. Божественная истина открывается любящим Бога, духовным, высоконравственным верующим, считал Палама, хотя сам Бог при этом остается невидим и непостижим: «Чистые сердцем видят Бога, согласно неложной заповеди блаженств, данной от Господа, Который, будучи светом… вселяется в нас и являет Сам Себя любящим Его и возлюбленным Им, как обещал»[12].

Ключом к высшему знанию выступает молитва, которую Палама называл «сердечным действием». Она имеет экстатическое проявление и выводит человека за грань повседневного, в сферу Божественного бытия: «Так, когда душа неистовствует и как бы сотрясается неудержимой любовью к единому Желанному, вместе с ней волнуется и сердце, духовной пляской выдавая общение с благодатью и словно порываясь отсюда к обетованной телесной встрече с Господом на облаках»[13]. И хотя Экхарт утверждал, что в результате открытия своего внутреннего зрения душа откроет в себе Бога, а Палама считал, что она узнает Божественный фаворский свет (ибо сам Бог не проявляется в мире иначе), оба мистика-современника, не зная об этом, были едины во мнении, что познание высшей Истины связано с открытием своей сокровенной сущности, тайн души и противостоянием миру.

В отличие от мистиков Китая и Индии, христианские мыслители подчеркивают необходимость двух активных факторов, способствующих богопознанию, – страха и любви. По словам Паламы, «начало Божией мудрости и созерцания есть страх Божий»[14], который очищает душу от ложной веры и порока. Однако высшей формой нравственной жизни он считал любовь – «вершину, корень и середину всякой добродетели»[15]. Экхарт выражал эту мысль так: «Служить Богу в страхе – хорошо; служить ему в любви – лучше; но тот, кто сумел связать воедино страх и любовь, выбирает совершеннейшее»[16].

Однако выше любви, считал Экхарт, поднимается отрешенность, дающая «цельность и чистоту» – то, что характеризует «собственнейшее место Бога»[17]. Отрешенность устраняет всю заинтересованность, целенаправленность, все ожидания и чаяния, даже надежду на бес-

[11] *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 2005. С. 16.
[12] Там же. С. 69.
[13] Там же. С. 94.
[14] Там же. 14–15.
[15] См. там же. С. 17.
[16] *Майстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. С. 63.
[17] См. там же. С. 67.

смертие и Царство Божие, поскольку, пока человек верует ради чего-то, он не приблизится к Богу («Я решительно утверждаю, что, пока ты делаешь что-нибудь ради Царствия Небесного, ради Бога или ради твоего вечного блаженства, то есть ради чего-нибудь внешнего, ты воистину не прав»[18]). Такой образ жизни более всего соответствует монашеству, и в этом Экхарта дополняет Палама: «Кто стремится в любви к соединению с Богом, тот избегает всякой зависимости жизни, избирает монашеское и одинокое жительство и, удалившись от всякой привязанности, старается без суеты и заботы пребывать в неприступном святилище исихии»[19]. Образ святого Майстер Экхарт также связывает с аскезой и отшельничеством: «Никому не принадлежит мир в той мере, как тому, кто отказался от всего мира»[20].

Отрешенность, аскеза, самоуглубление, сосредоточение, нестяжание, бескорыстие, молчаливое созерцание – вот основные слагаемые пути, ведущего мистиков в направлении к Богу, и здесь традиции восточного и западного мистицизма во многом совпадают. Но если восточные мистики в целом утверждают необходимость отвержения всяких желаний и чувств, то христианские мыслители в конечном счете возвышают и обожествляют любовь (поскольку христианский Бог и есть Любовь), которая в сочетании с названными добродетелями побеждает грех и дарует спасение. Завершая свой трактат, Экхарт писал: «Но даже и тогда, если бы Он бросил меня в ад, у меня нашлись бы две руки, которыми я ухватился бы за Него. Одна – это истинное смирение, и им я бы обвился вокруг Него; моя другая рука – любовь, и ею я обхватил бы Его… Я хочу лучше быть в аду с Богом, чем в Царствии Небесном без Него»[21].

Отличием мистических учений от ортодоксальных, как видим, выступает менее практическая мотивация: даже поиски вечности и бессмертия, достижение силы и благодати, которые составляют главные ориентиры обыденно верующих, не исчерпывают глубины их поисков. Обретение божественного, высшего связывается здесь с открытием таинства, истины, прояснением смыслов и сущностей, с предельным самораскрытием и самореализацией, что свидетельствует о том, что субъектами мистического мировоззрения в большинстве случаев являлись (и являются) теоретически мыслящие индивиды, имеющие творческий потенциал и высокую интеллектуальность. Нравственные заповеди для них не способ подчинения плоти духу или ограничения

[18] *Майстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. С. 41.
[19] *Григорий Палама.* Триады в защиту священно-безмолвствующих. С. 109.
[20] *Майстер Экхарт.* Духовные проповеди и рассуждения. С. 26.
[21] Там же. С. 190.

своего эгоизма в пользу ближнего, а скорее указание на торжество идеального бытия над реальным, обоснование значимости духовной силы по сравнению с физической и экономической силой, господствующей в повседневности.

Таким образом, христианское вероучение представляет собой попытку нового объяснения мироустройства, в котором добро изначально и абсолютно, а зло вторично, временно и относительно. Служение добру и служение Богу совпадают по своей сути и гарантируют спасение как бессмертие и благодать (высшую духовную радость). Несмотря на то что зло вторично и относительно, мир понимается как лежащий «во зле» и грехе, подчиненный дьявольским силам, борьба с которыми осуществляется каждым праведником в своей душе как борьба с искушениями плоти и разума. Собственное самосовершенствование возможно через служение Богу, любовь к ближним, милосердие, совершение добрых деяний, воздержание.

Одной из особенностей христианской этики выступает любовь к врагам и всепрощение как способы духовного противостояния, сопротивления злу, варианты ограничения его распространения. В христианстве любовь выступает важнейшей этической ценностью, поскольку через нее происходит освобождение личности от эгоизма, перенос заботы на другого, стирание границ между людьми и благодаря этому обретение мира с самим собой.

Другой своеобразной чертой христианской аксиологии выступает понимание страдания как ценности. Муки Христа, так же как и его деяния, становятся основой для подражания, своеобразным идеалом пути, ведущего к воскрешению и бессмертию. Мученичество, жертвенность, терпение в христианстве обожествляются и потому принимаются с радостью, как ниспосланное Богом испытание наиболее сильным духом, что делает их избранными. Эта позиция представляет собой еще один вариант позитивного ответа человека на вызовы этого мира без попытки переделать этот мир. Христианство, как и буддизм, предлагает изменить собственное сознание, т.е. то, что находится во власти человека и, следовательно, гарантирует успех.

В христианстве позитивный ответ имеет и вопрос о неизбежности смерти. Его решение связано с надеждой на всемогущество Бога, его власть над сотворенной природой и несовершенством человеческого тела, а также с уверенностью в бессмертии души. Душа (как и Бог) наделяется здесь личностными характеристиками, что позволяет рассчитывать не на видовое, а на индивидуальное бессмертие и предполагает ответственность каждого перед Богом. Вера в Божественный

суд свидетельствует о наличии ценности справедливости, воздаяния по делам, позволяющей человеку позитивно рассматривать не только смысложизненные, но и социальные проблемы.

Этика и аксиология христианства представляют собой утверждение идеала добра, блага, которые возможны без темной, оборотной стороны, а следовательно, предполагают не гармонию, а абсолютное торжество сил света. Эта позиция в то же время не означает, что средства, ведущие к данной цели, исключительно мирные: сущность развития мира – *борьба* Божественного и демонического, духовного и плотского, добра и зла. Однако в идеале эта борьба должна быть внутренней, личностной и касаться только собственно тебя.

Современное ви́дение христианских классических ценностей, во многом показанных неортодоксально, по нашему мнению, позволяет увидеть без идеализации и догматизма то общезначимое, что необходимо сохранить в современном мире плюрализма и множественности. Сегодня общество потребления и культа эгоцентризма способствует вымыванию, устранению нравственных традиций. По словам С. Кьёркегора, «эстетик» торжествует над «этиком», чувственность победила как волю, так и разум. Однако сопутствующий этому гедонизм не обладает экзистенциальной полнотой и усиливает недовольство жизнью. Современные молодые люди, несмотря на повышение качества жизни, еще больше склонны к самоубийству, насилию, разводам, грубости, циничности, равнодушию к другому. Быть нравственным человеком без веры в Бога оказывается гораздо сложнее, это доступно далеко не каждому. Христианская традиция в этой ситуации предоставляет возможность сохранить духовность как бескорыстную заботу о другом, как делание добра для каждого, тем самым преодолеть экзистенциальный вакуум, так называемый dyxless современного «пользователя» всех и вся.

© Баева Л.В.